

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№5⁽¹²⁷⁾
Май 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 ВЕЧНЫЙ КОРАБЛЬ ЗАЖИГАЕТ ОГНИ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 9 «ТВОРИ, ПРОРОЧЕСТВУЙ, ЛЮБИ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 12 «И ТО, ЧТО ЗЛОБОЮ РАЗРУШЕНО,
ПОСТРОИТ ЗАНОВО ЛЮБОВЬ»
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 14 «ГАЛАКТИКА ГАЛАКТИОНА»
АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ
- 16 РОБЕРТ ФРОСТ ГЛАЗАМИ ГРУЗИНСКОЙ ХУДОЖНИЦЫ
ОЛЕСЯ ТАВАДЗЕ
- 18 «МНЕ НЕ СКУЧНО ЖИТЬ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 24 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 30 ПРАВИЛА ЖИЗНИ ДМИТРИЯ МЕРАБИШВИЛИ
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
- 34 ИГРОВОЙ ТЕАТР ПРОТИВ ИМИТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ
ЕЛЕНА СКУЛЬСКАЯ
- 36 ГРИБОЕДОВЦЫ ПОКОРИЛИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
- 37 ОБРЕТЯ ЛЮБОВЬ В ТБИЛИСИ...
КАРИНА ПОГОСОВА
- 40 СНЫ В ТБИЛИСИ
ИЛЬЯ ЛИСНЯНСКИЙ
- 44 ПОД СОЛНЦЕМ – ГРУЗИЯ МОЯ
ВАЛЕРИЙ САНДЛЕР
- 48 ФУТБОЛИСТ МЕЧТЫ
ДЕМИКО ЛОЛАДЗЕ
- 52 ЛЕГЕНДАРНЫЙ СОЛЛЕРТИНСКИЙ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ

На обложке – Вечный огонь

Татьяна Никольская

«МНЕ НЕ СКУЧНО ЖИТЬ!»

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Петербургский литературовед Татьяна Львовна Никольская, специалист по русской поэзии и прозе 1910-1930 гг. и по русско-грузинским литературным связям, считает себя счастливым человеком. «Мне не скучно жить!» – говорит она. То, с какой любовью, воодушевлением, вдохновением Татьяна Львовна рассказывает о своих научных изысканиях и литературных опытах, подтверждает: жить ей действительно не скучно.

Т.Никольская окончила филологический факультет Ленинградского государственного университета по специальности «русский язык и литература». В университете занималась у литературоведа, поэта, доктора филологических наук Дмитрия Евгеньевича Максимова.

– Дмитрий Евгеньевич Максимов вел блоковский семинар, на котором мы занимались не только творчеством поэта, но и его временем, – рассказывает Татьяна Никольская. – Первоначально мои интересы касались русского символизма. У Дмитрия Евгеньевича Максимова я писала работу о поэте Сергее Соловьеве, троюродном брате Александра Блока. Соловьев отстаивал идеи экуменизма, соединения православной и католической церковью, написал любопытную работу «Гете и христианство», был разносторонне одаренным

гражданин
война на Яканая дЕтками Оли ляшкОвай
калЕла вот А К
а Е А ВзяЛ
у мир ыЕ лидантЮ иканаИси сжыНИ нзапУлию
нииспытА фпатърЕта мЕлникавай
гастИна мэнАхарю ОнаЙ ни ВЕСт ы
В И чя ильЮ
а царьстии мбоЖым

человеком. А параллельно я заинтересовалась 1920-и годами. Первая моя публикация, вышедшая еще в 60-е годы прошлого века, была посвящена творчеству поэта и прозаика Константина Вагинова. Сегодня он уже много раз издавался и переиздавался. А тогда был малоизвестен и считался продолжателем петербургского текста – текста Федора Достоевского, Андрея Белого. Но мне предложили, поскольку меня занимают античные мотивы, писать о Валерии Брюсове. Биография у него в высшей степени «положительная», он никуда не уехал из страны и вдобавок вступил под конец жизни в коммунистическую партию. Так что я написала диплом о его цикле «Любимцы веков» из сборника «Tertia vigilia».

– Татьяна Львовна, когда в кругу ваших научных интересов оказалась литературная жизнь Грузии?

– После университета я заинтересовалась русской эмиграцией в Грузии. Прочитала книжку «Бросок на юг» – известные воспоминания Константина Паустовского, в которых нашли отражение несколько месяцев жизни писателя на Кавказе в начале двадцатых годов прошлого века. Писатель в свою бытность в Тифлисе останавливался в доме Зданевичей, описал жизнь обитателей города. Отдельные странички были у Ильи Эренбурга. Существовали еще какие-то воспоминания, но их было немного. И я решила подробнее изучить эту тему. Слава Богу в Публич-

ной библиотеке я нашла какие-то русские журналы, выходившие в 20-е годы в Тифлисе. Например, журнал «Ars» под редакцией

С.Городецкого и А.Антоновской, отдельные номера журналов «Феникс» и «Куранты», выходивших под редакцией Бориса Корнеева и Юрия Дегена, — естественно, неполные комплекты. Мне захотелось узнать об этом периоде подробнее, и когда появилась такая возможность, я приехала в Тбилиси. В первый свой приезд я познакомилась с писателем, литератором Акакием Гачцерелиа, который очень любил Андрея Белого, мы много беседовали. Акакий Константинович познакомил меня со Звиадом Гамсахурдиа. Кроме того, я по-встречала людей, которые в тот период жили в Тбилиси. Среди

Марра и, соответственно, невесткой кавказоведа, филолога, историка, этнографа и археолога Николая Яковлевича Марра, Софьей Михайловной Марр, которая вместе с Татьяной Вечоркой и Ниной Васильевой входила в литературный кружок — дружество «Альфа — Лира», существовавшее в 1918 году. Какой-то материал я получила от них.

Первая моя статья была посвящена «Фантастическому кабачку». Я отдала ее в «Литературную Грузию». Но меня предупредили, что нужно подождать публикации, что даже статьи Евгения Евтушенко долго лежат в редакции этого журнала, ожидая выхода в свет.

Я поняла одно: для того, чтобы собрать достаточные материалы по интересующей меня теме, нужно приехать в Тбилиси на более длительное время. В общей сложности я провела в этом городе около восьми месяцев. Первые четыре я жила в доме Мераба Костава, где обитал и его брат Омар со своей русской женой Таней. Там я стала понемногу заниматься грузинским языком, и моей первой учительницей была профессор ТГУ им. И.Джавахишвили Цира Чикваидзе, аспирантка академичка Акакия Шанидзе — она работала на кафедре древнегрузинского языка. Я ежедневно ходила в библиотеку и смотрела газеты того времени сначала на русском, а потом и на грузинском языке. Мне было интересно, что писали в тот период не только в русской, но и в грузинской прессе. Русская культурная жизнь была довольно насыщенной. Центром, где читали свои лекции футуристы, стала студия поэтов «Фантастический кабачок», объединявшая несколько поэтических групп, туда же приходили поэты-голубороговцы. У Нины Васильевой есть поэма «Фантастический кабачок», где автор описывает, кто там выступал.

Отдельные заметки о литературной жизни Тифлиса были. Например, у Ростислава Прилипко, с которым я тоже встретилась, была диссертация, посвященная творчеству поэта-модерниста Владимира Эльснера, а в ней — обзорная вступительная глава о том, какие журналы в тот пери-

од выходили. Познакомилась с литературоведом Гарегином Бебутовым, — у него были работы о поэте Колау Чернявском — члене литературной группы «41 градус», о поэте Борисе Корнееве. Тот же Г.Бебутов убеждал, что никто меня не напечатает. Но статью о «Фантастическом кабачке» все-таки опубликовали, правда, через шесть лет. Это произошло в 1980 году.

В процессе работы над этой темой я посетила и Книжную палату Грузии. А один из номеров газеты «Грядущий день» нашла только в Институте истории партии при ЦК КП Грузии. Попастъ туда было не просто. Но я пришла к директору института Дэви Стуруа, объяснила что мне нужно посмотреть одну газету. Вспомнила, что у нас в Москве есть общий знакомый — поэт Евгений Рейн. Он рассказывал мне, что познакомился со Стуруа на дне рождения Евгения Евтушенко, и Дэви Георгиевичу понравилась жена Рейна Наташа. И я рассказала Стуруа, что о нем очень хорошо вспоминали Женя Рейн и Наташа. Он искренне обрадовался: «А, Наташа! Замечательная женщина!» Короче говоря, Стуруа позвонил в библиотеку, но перед этим уточнил: «А она не очень антисоветская?» — «Нет, ничего антисоветского в ней нет!» И Дэви Георгиевич мне позволил заниматься.

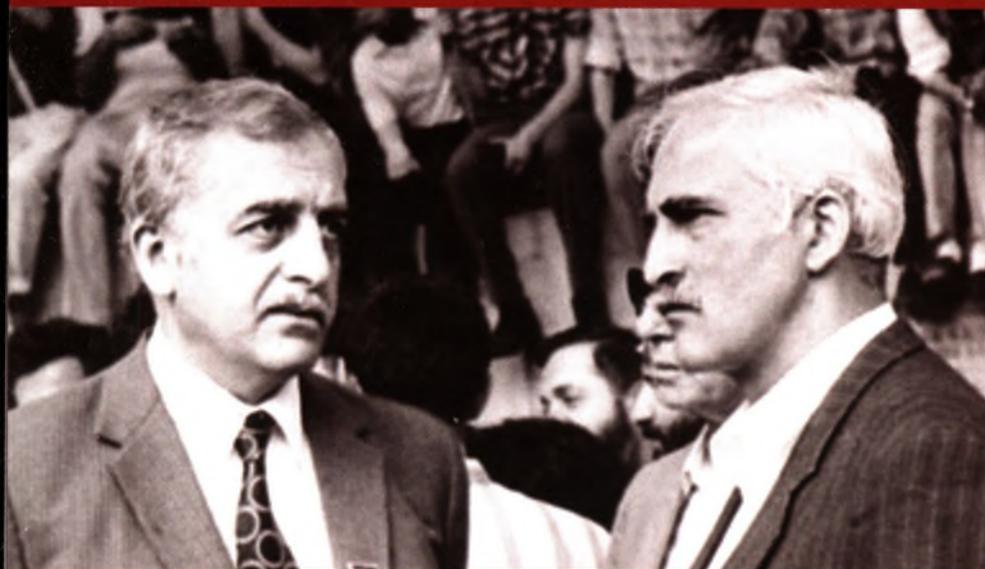
В середине 80-х годов эта книжка — «Фантастический город. Русская культурная жизнь в Тбилиси: 1917-1921» — была написана. Я отнесла ее в издательство «Заря Востока». Однако издатели опять-таки боялись публиковать книгу, повествующую о том, что интересная, бурная культурная жизнь была во время правления Ноз Жордания, то есть в период существования меньшевистской Грузии. Желание издать мою работу было, но мне говорили, что должны послать книгу в Москву на рецензию. В итоге она попала к литературоведу Владимиру Енишерлову. Я ему позвонила, и он мне сказал: «Книга мне ваша нравится!» — «Так напишите рецензию!» — «Да-да, конечно, только у меня сейчас нет времени!» В итоге Енишерлов не только ничего не написал, но

«Фантастический город»

Татьяна Никольская
Русская культурная жизнь
в Тбилиси
(1917-1921)

них — жена медиевиста, археолога, искусствоведа Дмитрия Петровича Гордеева Нина Николаевна Васильева. В литературной студии поэтов «Фантастический кабачок», где собирались футуристы самой авангардной из существовавших футуристических группировок «41 градус», она была секретарем. В Тбилиси я познакомилась с женой поэта, востоковеда Юрия Николаевича

Звиад Гамсахурдиа и Мераб Костава

даже не вернул мне экземпляр, посланный ему на рецензию. В конце концов, в 2000 году книгу выпустило московское издательство «Пятая страна».

– То есть через пятнадцать лет после того, как она была написана.

– Именно. Издали книгу, надо сказать, замечательно. В ней много иллюстраций, которые значительно оживили книгу. Какие-то снимки были у меня, но в основном материалы из своей коллекции предоставили московский собиратель А.Баблюян, а также известный специалист по Велимиру Хлебникову и его кругу Александр Парнис, в книге есть и алфавитный указатель.

После того, как книжка «Фантастический город» вышла в свет, я заинтересовалась новой темой – футуризм в Грузии в 20-е годы прошлого столетия. Именно грузинским футуризмом. Сначала я занималась футуристической группой «41 градус». Теперь она хорошо здесь известна. Так, в Литературном музее Грузии есть даже выставочный зал под названием «41 градус». Моя вторая книга «Авангард и его окрестности», в отличие от первой, вышла сама собой – это сборник статей, где у меня в основном освящается деятельность группы «41 градус» и ее продолжения – «Грузия – Феникс» – манифест грузинских футуристов и журнала грузинских футуристов «H2SO4».

Потом я стала заниматься

более подробно формализмом в Грузии. В августе 2014 года в Москве состоялся конгресс по формализму, где я выступила с докладом о формализме. Один из его вариантов «Особенности восприятия формализма в Грузии» я прочитала в Тбилиси, в Институте грузинской литературы.

На грузинских формалистов оказали влияние «формальный метод» Б.Эйхенбаума, теория сюжета В.Шкловского, исследование Ю.Тынянова по стиховой технике, статьи О.Брика по звуковым повторам. Они были известны грузинским литераторам. Отчасти оттого, что те же Шкловский, Тынянов часто бывали в Грузии.

На грузинских футуристов оказали влияние русские футуристы-заумники из группы «41 градус» – Алексей Крученых, Игорь Терентьев, Илья Зданевич, излагавшие свои взгляды в теоретических работах – особенно Игорь Терентьев... Одна из самых известных работ И.Терентьева, вышедшая репринтным способом в издательстве Европейского университета в Санкт-Петербурге, – «Семнадцать ерундовых орудий» основана, по сути дела, на том, что заумный язык всегда существовал. Он переходит в обычный язык, но и элементы обычного языка могут стать заумью. Например, в загадках, заклинаниях, заговорах, детских стишках.

Грузинский футурист Леван Асатиани написал работу о

скрытом существовании зауми в языке, основываясь на работе В.Шкловского, он приводит грузинские примеры. Начиная с «Записок проезжего» Ильи Чавчавадзе и кончая разными мегрельскими заговорами от зубной боли или укуса змеи. Он сопоставляет примеры из русского фольклора, которые приводит Шкловский в своих работах, с примерами из грузинского фольклора, доказывая, что не только в русском, но и в грузинском языке заумь существовала в скрытом состоянии. А футуристы это используют в своих произведениях как художественный прием.

Акакий Гацерелия написал монографию о грузинском стихе. Он был знаком с Ю.Тыняновым, написал о нем воспоминания, опубликованные в «Литературной Грузии», в сборнике «Тынянов в воспоминаниях современников». В своей работе Гацерелия отметил, что является учеником Тынянова и формалистов. В Питере я обратилась к его монографии 50-х годов «Грузинский стих», где в каждой главе имеются ссылки именно на работы ученых русской формальной школы – в частности, на Брика, Шкловского. И Гацерелия эту методику формальной школы перенес на изучение метрики и ритмики грузинского стиха...

И, конечно, интересная фигура – Бесо Жгенти. Про него писали, что он всю жизнь стремился совмещать формализм и марксизм. А я в своем полемическом докладе доказываю, что начиная с 30-х годов так оно и было в действительности, но в середине 20-х годов он был значительно ближе к формализму. Я пришла к такому выводу, основываясь на его статье «О самой поэтике» в журнале «Литература да схва». В ней Бесо Жгенти пишет о теории сюжета Виктора Шкловского и ссылается на его конкретные работы. В те годы Александр Дудучава обвинял Жгенти в том, что он подходит к литературе не с марксистских позиций. А Жгенти отвечал, что не существует марксистской поэтики, филологии, этнографии, потому что это узкие специальные дисциплины, у которых есть своя методика, а марксистской методики в изучении стихотвор-

ного размера просто нет.

Его обвиняли в недооценке марксистского метода, и я пытаюсь доказать, что, по крайней мере, в середине 20-х он был больше формалистом, стоял на формалистских позициях, а вот позднее, в 30-е годы, произошел разгон формалистов, и, естественно, Жгенти стал балансировать между формализмом и марксизмом, потому что иначе было невозможно печататься.

Между грузинскими и русскими формалистами было и существенное различие. Русские формалисты – Тынянов, Эйхенбаум, Брик, Якубинский – больше занимались теорией. Жгенти в статье «О самой поэтике» критикует их за то, что у них нет сильной полемики с другими школами. Он призывал учиться теории исследования поэтического текста у русских формалистов, а искусству критики, полемическому задору – у французских литераторов, критиков, например, у Жана Кокто.

– В 2014 году вышла в свет ваша последняя по времени книга «Спасибо, что вы были». Расскажите об этом, пожалуйста.

– Ее презентация в одном из старейших ленинградских журналов «Звезда» совпала с днем моего рождения. В новой книге нет никакой теории – это сборник воспоминаний об интересных людях, с которыми мне довелось встретиться. Начиная с моих старших друзей – таких, как преподаватель Дмитрий Евгеньевич Максимов. Когда я занималась Вагиновым, входившим в студию Николая Гумилева при Доме искусств и в кружок «Звучащая раковина», была еще жива Ида Моисеевна Напельбаум, ученица Гумилева, дружившая с Вагиновым. Я общалась с ней – Ида Моисеевна мне многое рассказала.

Благодаря тому, что я стала заниматься Вагиновым, я познакомилась с очень образованными людьми, которые несли в себе культуру начала XX века. Они родились до революции и успели застать Гумилева, университетских преподавателей, многие из которых потом погибли или сидели в лагерях. Запомнились встречи с Иваном Алексеевичем Лихачевым – блестяще образованным человеком, воспитанным в традициях Серебряного века, меломаном, одним из самых известных отечественных филологов, знатоком английской и американской литературы, образцовым переводчиком. Иван Лихачев без малого двадцать лет провел в тюрьмах, лагерях и ссылках – два срока. Несмотря на тяжелые испытания, Лихачев не утратил чувства юмора и любви к людям. Лихачев некогда был дружен с поэтами Михаилом Кузминым и Константином Вагиновым, собирал пластинки, устраивал у себя салон по субботам и в то же время дружил с инвалидами, когда еще никакого общества инвалидов у нас не было. Дело в том, что у его приемного сына Геннадия не было ноги, и он от этого страдал всякими комплексами, вот Иван Алексеевич и старался знакомить его с такими же, как он. Для этого он сначала сам знакомился с ними – приходил в протезный институт с кульком апельсин, дарил их людям и бесплатно занимался английским с теми, кто этого хотел. Потом они собирались у Лихачева, обменивались адресами, выпивали, конечно, помогали друг другу и чувство-

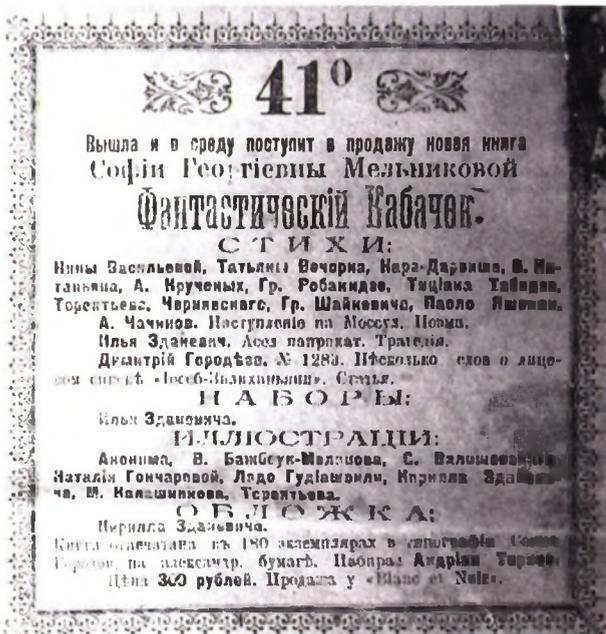
вали себя полноправными членами общества. Он даже водил инвалидов на оперу «Повесть о настоящем человеке». Иван Алексеевич умер в 1972 году, но мы два раза в год в память о нем по традиции обязательно собираемся. О таких людях я и пишу. Пишу, конечно, и о грузинских друзьях, которые помогли мне. О Мерабе Костава, например. Мераб Костава и Звиад Гамсахурдиа – это были интересные, высокообразованные люди, хорошо знавшие русскую литературу. Меня удивило, что Звиад знал наизусть стихи Владимира Соловьева, его панмонголизм. Будучи у меня в гостях в Ленинграде, он встретился с переводчиком Геннадием Шмаковым, позднее уехавшим за границу. Шмаков занимался балетом, написал книги о Михаиле Барышникове и Наталье Макаровой. Звиад и Геннадий беседовали у меня в доме. Шмаков сказал Звиаду: «Вы похожи на огрузиненного Фолкнера!». А Звиад подумал и сказал мне, когда Шмаков вышел: «Ты ему скажи, что он похож на Гаршина!» Вот на таком уровне Гамсахурдиа знал русскую литературу.

Костава был поэтом, писателем, музыкантом, прекрасно знал музыку, очень много рассказывал о старинном грузинском многоголосии, писал на эту тему статьи. Эти люди, Мераб и Звиад, реально помогали мне доставать книжки и проникать в те хранилища, которые мне были нужны для исследовательской работы. Еще я занималась Григолом Робакидзе, и Звиад подарил мне номер журнала «Беда Картлиса», посвященный этому писателю. А Мераб мне помогал переводить статьи оттуда.

Я написала в книге и про свою подругу Дали Цаава, которая двадцать лет жила в Ленинграде и писала стихи на грузинском языке. К сожалению, в России у нее не было читателей. Ее переводили на русский язык Наталья Соколовская, Елена Рабинович. Я ей помогала делать подстрочники. Это было трудно: у Дали очень насыщенный стиховой ряд, много литературных ассоциаций из грузинской мифологии. Она писала про Медею, и прежде чем написать, читала грузинские старинные учебники по травам – поскольку Медея травница была. Дали всегда глубоко входила в тему до того, как напи-

Юрий Марр

сать поэму.

В Ленинграде она подружилась с Иосифом Бродским. В конце 80-х Дали Цаава вернулась в Тбилиси и до конца жизни преподавала русский язык и литературу в школе у Нины Рамишвили. Она опубликовала воспоминания о Бродском в журнале «Омега» и хотела, чтобы я перевела эти воспоминания. И я сделала это. Из воспоминаний Дали Цаава мы узнаем, как Бродский пытался переводить Галактиона Табидзе, но у него не получилось. Я написала доклад на тему «Бродский и Грузия», но этого факта не знала. Так что это новое в бродсковедении. Дали ввела в научный оборот еще один факт: стихотворение «Ну, как тебе в грузинских палестинах» посвящено ей.

– Татьяна Львовна, что сейчас в фокусе вашего научного внимания?

– Сейчас занимаюсь Софьей Михайловной Марр. Она всю жизнь посвятила наследию своего мужа, поэта и ученого-востоковеда Юрия Марра, умершего молодым – в 36 лет. Он много сделал, но не довел до конца. Например, материалы к персидско-русскому толковому словарю. Он дважды ездил в Персию, и Софья Михайловна однажды целый год провела с ним. И вот она собирала материалы Юрия Марра и с помощью востоковеда-ираниста Александра Гвахария и ученика Нико Марра, востоковеда Иосифа Мегрелидзе печатала труды своего мужа, которые не были опубликованы. В частности, его переписку с востоковедом Константином Ивановичем Чайкиным по вопросам иранистики и грузиноведения – занимались Руставели, Хаками, Низами. Всю свою жизнь Софья Михайловна Марр посвятила приведению в порядок наследия мужа. Несколько томов в Институте востоковедения были изданы с ее участием. Увидели свет несколько томов переписки. И, кроме того, стихи Юрия Марра, которые он начал писать еще в детстве. При жизни Юрия Марра не вышло ни одного сборника, не было ни одной поэтической публикации. А он дружил в 1919-1920 гг. с группой «41 градус» и под ее влиянием стал пи-

сать футуристические стихи (потом он отмечал этот момент в своей автобиографии). А до этого сочинял подражательные стихи в духе русских символистов. Он первым в некоторых своих стихах объединил буквы русского и персидского алфавитов. И получались такие буквосплеты. Их можно читать слева направо, а те, что по-персидски, – справа налево. И это тоже значимо. Директору Эрмитажа Михаилу Борисовичу Пиотровскому, арабисту по специальности, я показала одно стихотворение Юрия Марра, написанное наполовину по-русски и наполовину по-персидски. Он сказал, что принципиальное соединение двух разных систем алфавитов – систем арабского и персидского языков с русским, – это абсолютное новшество. Следует еще отметить и мастерство каллиграфии – то, что ввел Юрий Марр.

Первый мой доклад «Юрий Марр – заумный поэт» был напечатан в сборнике «Georgica», который Луиджи Магаротто издал в Италии. Единственное, что было напечатано из литературного наследия Ю. Марра – это перевод с персидского стихотворения «Сказка попугая». Публикация появилась в журнале «Орион», который издавали Сергей Рафалович и Сергей Городецкий.

Юрий Марр был фантазером, с чувством юмора, персидский размер он пытается передать в шуточных русских стихах, которые часто были в письмах к друзьям-иранистам. Очень интересная теоретическая задача – передать персидскую систему стихосложения в русских стихах так, чтобы сохранилось не только содержание, чтобы читатель получил представление и о ритме стиха. Марр делал очень интересные эксперименты, но его стихи в письмах предназначены только для специалистов по персидской литературе.

В начале 90-х годов в московском издательстве маленьким тиражом вышел небольшой двухтомник поэзии Юрия Марра. Его стихи из архивов Гвахария и Мегрелидзе были изданы и в Германии в количестве 50 экземпляров. Кстати, Марр перевел поэму французского поэта Жамма Франсиса «Молитва о том, чтобы идти в рай с ослами» – ее же переводил Илья Эренбург. Но у Юрия Марра перевод ничуть не хуже, а может, даже лучше, чем у Эренбурга. В Москве я сейчас тоже готовлю сборник Марра. Но лучше не спешить, хочется сделать что-то фундаментальное.

– Ваши литературные пристрастия широки и многообразны. Я с удовольствием прочитала два ваших миниатюрных рассказа «Кунуслик» и «Татьянин день». Что-то близкое к жанру черного юмора, абсурда.

– Я не отношусь к своим литературным опытам серьезно. У меня в этой книжке есть послесловие под названием «Из какого сора». Эти рассказы писались между прочим, под настроение. Когда-то что-то хотелось, я писала. Но я отношусь к своим рассказам дистанцированно, не как к факту художественной литературы, а как к милому домашнему развлечению. Я писала рассказ «Татьянин день» много лет назад, в 70-е годы. Это просто литературная игра. В этих рассказах отражается контекст той эпохи. Сейчас каждый пишущий человек может себя любимого напечатать. Все-таки в со-

ветское время, если человек не был членом Союза писателей, это было довольно сложно... С Константином Марковичем Азадовским, специалистом по немецкой литературе, мы вместе сделали работу: «Письма Григола Робакидзе к Стефану Цвейгу». Азадовский нашел в архиве Цвейга письма Робакидзе, адресованные австрийскому писателю. Я подготовила вступительную статью, а комментарии сделали совместно. Письма были напечатаны в журнале «Звезда» – номере, посвященном немецкой литературе. В 70-е годы Азадовский переводил классика немецкой литературы XX века Рильке, которого тогда трудно было издать, и поэтому Константин Маркович приглашал к себе домой друзей и читал им свои переводы. Я тоже собирала гостей, делала салаты, и мои гости с удовольствием ели их и одновременно слушали мои рассказы. Это было для меня какой-то отдушиной. И так поступали многие. Это была форма нашей жизни. К примеру,

Не испытываете ли вы сожаления по поводу того, что всю жизнь посвятили литературоведению. Хотя могли бы серьезно заниматься, к примеру, писательским трудом?

– Нет, не жалею. Из всего того, что я знаю, эта сфера деятельности мне наиболее интересна. Апробированную методику я применяю к какому-то новому материалу. Заумный язык в русском роке, например. Или особенности восприятия Хармса и Введенского в русском роке. Я беру какой-то новый материал и исследую, как наследие прошлого преломляется в нем. В связи с этим я знакомлюсь с рок-музыкантами. Слушаю диски, беру интервью... В Центре Андрея Белого я читала лекцию о заумном языке в русском роке. Там собралось много совсем молодых людей – им было лет по 25. Был полный зал, стульев не хватило. И мне интересно, и молодым интересно.

– А кто вам интересен в современной художественной литературе?

– Люблю романы Дмитрия Быкова на сюжеты из литературной жизни 20-х годов, основанная на историческом материале художественная литература. Несколько лет назад вышел его толстый роман «Остромов, или Ученик чародея». Там действуют Максимилиан Волошин, Михаил Кузмин, Константин Вагинов. Это фантазия на литературные темы 20-х годов. В основу романа «Остромов, или Ученик чародея» легло полузабытое ныне «Дело ленинградских масонов» 1925-1926 гг. В нем много явных и скрытых цитат из тех же Вагинова, Кузмина, Волошина. Короче говоря, меня интересует «роман с ключом», литература о литературе. Благодаря Вагинову я и занимаюсь «романом с ключом».

– Самое интересное для вас «литературное» время?

– Самая глубокая эпоха – это начало XX века, Серебряный век. Но этим периодом сейчас неинтересно заниматься. Потому что на каждый комментарий по этой эпохе существует десяток новых комментариев. Скучно заниматься темой, в которой я не могу сказать ничего нового. В то же время, занимаясь, к примеру, грузинскими футуристами, я могу найти такие детали, которые грузинские исследователи, возможно, упустили, потому что я исследую и русский футуризм. Возникают какие-то переключки, аллюзии. Доклад «Об особенностях восприятия футуризма в Грузии» особенно важно было в Грузии прочесть. А вот в Москве мне было любопытно слушать доклады о формализме в Польше или в Югославии. Кого ценили больше, что воспринимали. Мне интересно, что люди, занимающиеся этой темой в Тбилиси, могут сказать нового. Может быть, я что-то упустила – я имею в виду фактологические моменты. К примеру, существует одна причина, но может быть и параллельная. Слабые поэты пишут под влиянием, скажем, Блока или Гумилева. Это или стилизация, или ограниченность. Разные влияния иногда пересекаются и творчески перерабатываются.

На встрече с Татьяной Никольской

Евгений Рейн приезжал к нам из Москвы, собирал гостей у своих питерских друзей и читал им свои стихи. Существовала культура домашних салонов. Переводческая культура была в тот период такой высокой, потому что свои оригинальные произведения авторы не имели возможности опубликовать. Не было бы счастья, да несчастье помогло. А сейчас всюду можно найти свою нишу...

– На ваш взгляд, какова ситуация в современном литературоведении? Что происходит нового, интересного?

– На этот вопрос я не могу ответить: не компетентна. Я могу рассказать разве что о том, чем занимаемся я и мои друзья. Начиная с 70-х гг. один раз в два года Мариэтта Чудакова проводит Тыняновские чтения. Там собираются как старые, так и более молодые друзья, единомышленники. Сложился круг филологов. Кто-то живет в Америке, кто-то – в Израиле, кто-то – в Москве. И они с радостью приезжают на конференции. Одни занимаются XIX веком, другие – XX. Мы слушаем друг друга. К примеру, Роман Тименчик выпустил несколько толстых томов – «Анна Ахматова в 60-е годы». Сейчас все какое-то дробное – много групп, различных компаний. Кто-то куда-то перетекает...